

ЛАРИСА ЯКОВЛЕВНА КОСТЮЧУК

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка филологического факультета, Псковский государственный университет (Псков, Российская Федерация)
anh57@yandex.ru

ПСКОВСКОЕ СЛОВО В ДИАХРОННОМ АСПЕКТЕ (вспоминая традиции И. В. Ягича)

Обращение к наследию известного ученого И. В. Ягича важно для проверки того, насколько направления современной филологии соответствуют заветам филолога-слависта. Знакомство с традицией Ларинской лексикографической школы происходит на примере «Псковского областного словаря с историческими данными». Прием полной выборки материала, методы лингвогеографии, этнолингвистики, описательный, сравнительно-сопоставительный в результате помогают обоснованно отражать участки диалектной картины мира в синхронном и диахронном аспектах. Подробное и продуманное описание слов в современной и исторической частях словарных статей сообщает серьезные сведения о разных уровнях народной речи. В результате лексикографического исследования обнаруживается путь образования отдельных народных слов; выявляется словообразовательное гнездо с корнем *весн-*; выясняется, что слово *весна* имело два профессиональных значения, характерных для псковского региона (ни один исторический словарь этого не фиксирует, кроме «Псковской судной грамоты»). Изучение и представление слова с учетом синхронии и диахронии при соотношении с внеязыковыми фактами – это верный путь к решению актуальных практических и теоретических проблем в области лексико-грамматической (иногда даже фонетической) судьбы народного слова.

Ключевые слова: лексикография, диалектный, синхрония и диахрония, словарь полного типа с историческими данными, местный и общерусский, современная и историческая части словарной статьи

Юбилей, связанный с жизнью и титанической деятельностью И. В. Ягича в области славянской филологии, заставил снова обратиться к трудам ученого, постараться еще раз понять значимость его наследия и вслед за его заключительными словами к «Истории славянской филологии» вспомнить непреходящие советы и оценки достижений в области славистики. Это прежде всего касается: 1) изучения письменных памятников, что неизбежно связано с палеографией (знать временные этапы развития графики – значит иметь возможность оценить и определить на временной оси соответствующие языковые факты); 2) следования сложившимся актуальным исследовательским направлениям (сравнительному и сопоставительному) в изучении языкового и литературного материала, причем с учетом системного подхода к грамматике и лексике. В этих направлениях неизменно важен исторический акцент. Нельзя забывать исследования в области «исторической древнерусской диалектологии» [8; 895], при этом должна быть связь грамматических и фонетических исследований материала, что, естественно, помогает оценивать и познавать лексику языка. В новейшее время, уже в XX веке, успешны были «диалектологические исследования на почве славянских наречий» [8; 896]. И. В. Ягич подчеркивал, что необходимо продолжить создание диалектных словарей, причем рядом ставил и работу по выбору материала из памятников, и работу по «обогащению», например, «Словаря русско-

го языка» областными словами [8; 902]. Однако И. В. Ягич видел еще «хрупкость слав.[янских] этимологических исследований» [8; 903], хотя твердо надеялся на продолжение лучших традиций в исследованиях славянской филологии и верил в непрерывную связь и развитие научных школ и направлений.

Так, в середине XX века Б. А. Ларин предложил проект и вдохновил своих учеников и последователей на создание новаторского в мировой лексикографии особого типа областного словаря на материале уникальных псковских говоров. «Псковский областной словарь с историческими данными» [5] – это словарь полного типа, включающий не только диалектные слова, но и бытующие в народной речи общерусские лексемы (однако с диалектной системой значений), зафиксированные собирателями, а также слова из псковских памятников письменности (т. е. это диалектный и исторический словарь). Так было обеспечено наблюдение за динамикой псковского слова в пространственном и, самое главное, во временном аспектах. Согласно инструкции, созданной Б. А. Лариным [3], а затем уточненной после большого опыта работы над словарем [2], проводится многоаспектное лексикографическое изучение и представление в словарной статье псковского слова. Б. А. Ларин как глубокий исследователь и преподаватель в своих лекциях по истории русского литературного языка показал образцы изучения слов прошлого с учетом буквально всех языковых уровней: ре-

зультат таких наблюдений дает право и на обобщающие теоретические исследования в области лексикологии и фразеологии, периодизации непрерывной истории языка вообще и литературного языка в частности [4].

Обратимся к конкретным примерам, связанным с «Псковским областным словарем с историческими данными». Внимание к многофункциональной нагрузке, например, у слова *быть* позволило лексикографу тщательно разработать словарную статью с современной и исторической частями, отразив сложную лексико-грамматическую структуру слова [5, в. 2; 236–243]. В современных говорах встречается фактически подчеркнутое значение в сложном прошедшем времени, выраженном наиболее известной формой (глагольная связка на -л-, тип *жил-был*: *Тогда **был** **жыл** мая **связк**р*) и обнаруженной гораздо реже формой настоящего времени *е* для 3-го лица ед. ч. в сочетании с формой бывшего причастия на -л- (*Мая **к**ошка в **ыст**ёнке **е** **катя**н^лася*) [5, в. 2; 238]. Форма *е*, по свидетельству М. Фасмера, древняя, редко встречающаяся и в старославянском языке [7, т. II; 5, 28].

Полная по возможности выборка материала из псковских памятников обнаружила удивительное сочетание связки *быть* в форме не только сложных прошедших времен, но и простых аориста и имперфекта (!): в «Псковской первой летописи» 1510 года (л. 59 об.): *псковичи **ударили челом** в землю* (в перфекте отсутствует связка); *исполнися **б**яше очи слез* (сочетание с аористом при нарушении согласования предиката с подлежащим); в той же летописи 1607 года (л. 754–754 об.) [Литва]: ***б**и многое множество **имяху** злата и сребра и жемчугу* (сочетание с имперфектом при нарушении согласования); в «Послании Корнилия» XVII века: ***б**яху мнози люди и священники **прихождаху*** (в сочетании с имперфектом соблюдается согласование предиката с подлежащим) [5, в. 2; 239].

Объяснение такому удивительному явлению (связочная функция у *быть* в сочетании с простыми прошедшими временами в древности) нашлось только у В. В. Колесова. Ученый старается связать этот факт с перестройкой видо-временной системы древнего языка в направлении к современной, когда усиливается перфектное значение и у простых времен, а видовая система еще не сложилась [1; 311].

Знакомство с системами значений у современного псковского слова и у аналогичной лексики из псковских памятников выявляет разные соотношения их на протяжении веков. Например, местное слово *лётье* имеет значение летнего времени по отношению к будущему году (*А эта на **лётье** аставляють, вот каг будит другой гот, да лёта – вот и **лётье***); в прошлом же значение предполагало сему 'текущий год' по отношению к семе 'урожай'. В «Данной грамоте на землю»

читаем: *Игумену з братиею и присылицомъ его по всемъ быть послушными и всякие хлѣбные доходы съ **лхтѣ** нынѣшняго [1689] году, июля съ 31 [17] числа, отдавать и издѣля **дхлѣ** в тот Николаевской Песоцкой монастырь* [5, в. 17; 44]. Преобладание в значениях наблюдается, и очевидно приспособление их к соответствующим ситуациям с закреплением значений в употреблении. В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» не зафиксировано слово *летье*, но отмечено *слетье* (которое тоже известно русскому языку как возможный результат объединения с предлогом) в двух примерах, один – из «Псковской второй летописи» (*от того **слхтѣ** рожь*); однако определяется значение обобщенно: 'урожай одного года' [6, в. 25; 83].

Лексемы современных говоров при развитой словообразовательной системе однокоренных дериватов сохраняют основную сему. В гнезде с корнем *весн-* значения всех слов объединяются семой 'время года между зимой и летом'. Исходная сема может осложняться конкретизирующими: *весну́ха*, *весну́шка*, *весновáватый*, *весну́чатый* и пр. – семой 'бурые пятна на коже'; *весну́на* – семой 'шерсть'. В многозначном слове значения с конкретизирующими семами следуют обычно в словарной статье после наиболее типичного и актуального; ср. *весну́шка*: сначала 'бурые пятна на коже', затем 'подснежная клюква', 'болезненное состояние...', 'туберкулез' и т. д. Оправдание многозначности в том, что имплицитно связь с исходной семой объясняется тем, что проявление соответствующей реалии обусловлено весной [5, в. 3; 115–117].

Подобное развитие семантики обнаруживалось и в прошлом. Так, только «Псковская судная грамота» 1462–1471 годов зафиксировала специальные значения у слова *весна* ('право сезонного лова', 'арендная плата') на фоне общеизвестного значения: *А которой котечникъ заложит **весну*** ('право'. – Л. К.), или *исполовникъ у государя, ино ему заплатитъ **весна*** ('плата'; причем форма винительного падежа совпадает с формой именительного на -а. – Л. К.) *своему государю* [5, в. 3; 115]. В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» вообще нет слова *весна*.

У псковских слов *вѣшница*, *вѣшник*, вероятно, с некоторым затемнением внешнего вида исходного корня в связи с историческим чередованием *с // ш* (слова мотивированы словом *вѣшний*) на первый план по актуальности и употребительности в народной речи выступает значение 'луг, лужайка около дома, сарая, гумна'. Это значение эксплицитно почти потеряло исходную сему, но на периферии системы значений, после других подобных значений, отошедших от исходной семы ('заливной луг, обычно вблизи деревни', 'земля для посева ярового хлеба' – в слове *вѣшница*; 'юго-восточный ветер' – в слове *вѣшник*), все-таки оказывается значение с проявлением исхо-

дной семьи: 'весенняя пахота, сразу после таяния снега' (в слове *вѣшница*); 'весенний снежок, скоро сходящий' (в слове *вѣшник*) [5, в. 3; 140].

Слово *вѣсница*, синоним слову *вѣшница* во втором значении 'заливной луг, обычно вблизи деревни', в современных говорах отмечено только в Гдовском районе, но оно древнее – было известно на псковской территории еще в XV веке, судя по грамоте 1469–1485 годов, касающейся земельных участков, которые доставались по «жеребьям» ряду хозяев: заливной луг, видимо, делился между всеми «жеребьями» (*А что вѣсница, то вопче вѣшмъ жеребьямъ*) [5, в. 3; 115]. Так удастся проследить непрерывность семантического статуса русских слов.

Системность в организации лексики речи диалектоносителей проявляется и в попытках противопоставить названия, отражающие объективно почти полярно различающиеся реалии (с признаками «плюс» / «минус»), подобно тому как хорошо различаются сферы действительности по восприятию «свое» / «чужое». Местоименные слова объектного, обстоятельственного, безлично-предикативного содержания в псковских говорах употребляются для указания на отсутствие или наличие соответствующего понятия и хорошо передают систему значений с учетом объективной и очевидной антиномии.

Отсутствие кого-нибудь или чего-нибудь (объектное содержание) выражают прежде всего слова *нѣкого* / *ѣкого*, причем с проявлением такой особенности народной речи, как неразличение одушевленного и неодушевленного понятий при общем местоименном корне *к-* (в литературном языке используются два корня *к-* и *ч-*, этимологически восходящие к одному). На фоне первого значения отрицательного слова *нѣкого* ('указывает на отсутствие лица или лиц, необходимых для осуществления действия; нет никого, кто (мог бы сделать что-н.)'), аналогичного и литературному языку, еще ярче выступает второе значение ('указывает на отсутствие объекта, действия; нет ничего, что бы (можно было делать, сделать)'): *Нигдѣ, дацѣш, ня была; умрувѣт скѣфъ, и рѣсказать нѣкъвъ* [5, в. 21; 133]. Для противопоставления этим двум значениям псковские говоры знают одно местоимение в значении 'указывает на наличие кого-, чего-н.', используемое в безличных предложениях в сочетании с инфинитивом: *Мне ѣкъвъ сказать, да луччы прѣмалчу; Берѣч-та мяня ѣкаму* [5, в. 10; 122].

Отрицательное местоименное слово *нѣкого* выступает и как наречие со значением 'нет места, где можно расположиться кому-н.; негде' (*начивать нѣкава*). Но такое использование лексемы нечастотное. В псковских памятниках обнаружено только общерусское значение у отрицательной местоименной лексемы *нѣкого* [5, в. 21; 133].

Для передачи обстоятельственного и безлично-предикативного содержания семой 'время', как и в общерусском языке, псковские говоры широко используют слово *нѣкогда*, во-первых, как наречие, если оно сочетается с инфинитивом и стоит в постпозиции по отношению к нему (в толковании значения 'нет свободного времени' это не подчеркивается, но все примеры свидетельствуют об этом, особенно при сопоставлении со вторым значением); во-вторых, как безлично-предикативный член в значении 'об отсутствии времени': *бáловаца нѣкогдаы – Пѣпрасѣ што зѣдѣлатъ [внука] – нѣкъды* [5, в. 21; 132]. Противопоставление отрицательной лексеме со вторым (безлично-предикативным) значением выполняет утвердительное слово *ѣкогда*: *Нам [в старицу] ѣкъгда былъ гулять*. Показателен пример *Не ходѣ ко мне тогды, Когды мне шыпко нѣкъды, А ходѣ ко мне тогды, Когда мне время е когдаы* (с отражением складывания положительного диалектного деривата по модели антиномии, но с усилением противопоставления) [5, в. 10; 122]. В псковских памятниках такие лексемы не были обнаружены.

Почти полным синонимом к *нѣкогда* (с некоторой детализацией в значениях) в современных говорах является слово *нѣколи* с рядом фонетических вариантов: 1) *Аддохнѣть нѣкали, и памярѣть нѣкали будя* (наречие в значении 'нет свободного времени'); 2) *Йим нѣкыли тапѣрь; Нáдо дѣлатъ фсѣ талѣ, калѣ е калѣ, а не талѣ, калѣ нѣкали* (безлично-предикативная единица в значении 'об отсутствии свободного времени'; в контексте тоже отражается складывание положительного компонента в антиномии) [5, в. 21; 134]. Противопоставление данной лексеме составляет лексема *ѣколи* в качестве безлично-предикативной единицы прежде всего в значении семой 'наличие времени': *Мне была нѣкали, а тапѣрь ѣкали*. Из положительных компонентов антиномии только эта лексема многозначна: как и *нѣколи*, слово *ѣколи* приобрело значение модальности семой возможности, ярко осложненной наречной временной семой 'когда-н.' (формулировка значения 'когда-н., при возможности'): *Я ѣкали пѣкажу нáшы пѣлатѣнцы и вѣшыфки*. В «Русско-немецком разговорнике» Т. Фенне, составленном немецким купцом во Пскове в 1607 году, зафиксирован вариант *неколь* как безлично-предикативное слово в значении 'об отсутствии свободного времени' [9; 399]. Все это хорошо демонстрирует непрерывность лексико-семантического языкового пространства на протяжении веков.

Учет типичных бытовых значений, отражающих картину мира сельского жителя, и терминологических значений, ограниченных соответствующими сферами жизни, показывает у однокоренных (с более или менее ясной этимоло-

логией) слов в современных говорах или в древнем языке выбор соответствующего варианта как наиболее распространенного и продуктивного и в словообразовательной деривации. Изучение особенностей народного слова требует и сопоставления диалектного и общерусского, современного (синхронного) и прошлого (диахрон-

ного с учетом развития языкового факта) на протяжении времени в одном регионе. Местные и общерусские черты, выясняемые на синхронном и диахронном срезах народной речи (в частности, при фиксации в памятниках письменности), способствуют решению многих практических и теоретических проблем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Колесов В. В. Историческая грамматика русского языка. СПб.: СПбГУ, 2008. 512 с.
2. Инструкция «Псковского областного словаря с историческими данными» (2-я редакция) // Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 15. СПб.: СПбГУ, 2004. С. 5–67.
3. Ларин Б. А. Инструкция Псковского областного словаря // Псковские говоры. I. Труды Первой Псковской диалектологической конференции 1960 года. Псков: ПГПИ, 1962. С. 252–271.
4. Ларин Б. А. Лекции по истории русского литературного языка (X–XVIII вв.). М.: Высшая школа, 1975. 327 с.
5. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–24. Л.: ЛГУ; СПб.: СПбГУ, 1967–2013.
6. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–29. М.: Наука, 1975–2011.
7. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV. М.: Прогресс, 1964–1973.
8. Ягич И. В. История славянской филологии. Репринтное издание. М.: ИНДРИК, 2003. 960 с.
9. Fenne's T. Low German Manual of Spoken Russian. Pskov 1607. Vol. II. Copenhagen: The Royal Danish Academy of Sciences and Letters, 1970. 488 p.

Kostyuchuk L. Ya., Pskov State University (Pskov, Russian Federation)

PSKOV WORD IN DIACHRONIC ASPECT (RECALLING IGNATIY YAGICH'S TRADITIONS)

The literary legacy of the renowned researcher Ignaty Yagich is crucial for verification of modern philology trends' compliance with the precepts formulated by this Slavonic scholar. The aim of the article is to acquaint readers with traditions of Larin's lexicography school on the example of the Pskov Regional Dictionary Containing Historical Data. A method of complete material sample, methods of linguistic geography and ethnic linguistics, as well as descriptive and comparative methods contribute to a substantiated representation of the dialect worldview in synchrony and diachrony. The article demonstrates how detailed and elaborate systematic description of the words in modern and historical parts of the dictionary entries provide valid data about various levels of the folk language. As a result of lexicographical research, the formation pathway of certain folk words was revealed; the family of words with *весн*- base were detected. With the help of the historical part of the dictionary it was found out that the word *весна* had two professional meanings characteristic of Pskov region (none of the historical dictionaries provide such information, but the Pskov Court Letter does). Thus, a research and presentation of the words in synchronic and diachronic aspects correlated with extralinguistic facts are key factors to a solution of practical and theoretical problems related to lexical and grammatical (even sometimes phonetic) nature of a folk word.

Key words: lexicography, dialect, synchrony and diachrony, complete dictionary with historical data, local and all-Russian, modern and historical parts of a dictionary entry

REFERENCES

1. Kolesov V. V. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka* [Russian Language Historical Grammar]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 2008. 512 p.
2. Specification of Pskov Regional Dictionary with Historical Data (Edition 2) [Instruktsiya "Pskovskogo oblastnogo slovary s istoricheskimi dannymi" (2-ya redaktsiya)]. *Pskovskiy oblastnoy slovar's istoricheskimi dannymi* [Pskov Regional Dictionary with Historical Data]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 2004. Is. 15. P. 5–67.
3. Larin B. A. Specification of Pskov Regional Dictionary [Instruktsiya Pskovskogo oblastnogo slovary]. *Pskovskie govory. I. Trudy Pervoy Pskovskoy dialektologicheskoy konferentsii 1960 goda* [Writings for the first Pskov dialectological conference of 1960]. Pskov, PGPI Publ., 1962. P. 252–271.
4. Larin B. A. *Lektsii po istorii russkogo literaturnogo yazyka (X–XVIII vv.)* [Lectures on History of the Russian Literary Language]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1975. 327 p.
5. *Pskovskiy oblastnoy slovar's istoricheskimi dannymi* [Pskov Regional Dictionary with Historical Data]. Leningrad, LGU Publ.; St. Petersburg, SPGU Publ., 1967–2013. Is. 1–24.
6. *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [XI–XVII Century Russian Language Dictionary]. Moscow, Nauka Publ., 1975–2011. Is. 1–29.
7. Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Russian Language Etymology Dictionary]. Moscow, Progress Publ., 1964–1973. Vol. 1–4.
8. Yagich I. V. *Istoriya slavyanskoy filologii* [History of the Russian Philology]. Moscow, INDRIK Publ., 2003. 960 p.
9. Fenne's T. Low German Manual of Spoken Russian. Pskov 1607. Vol. II. Copenhagen: The Royal Danish Academy of Sciences and Letters, 1970. 488 p.

Поступила в редакцию 20.10.2013